

ԾԱԽՍՆ ՍԵՁԿՈՅ

12+

ԵՃԻ ԵՐԻՏԵՐ ՀԱ ԿՁԵԿ

ԿՅՈՒՆԻՍ ԴԵԵԿԿՏԻՎ

Даниил Иваков

Бог вернется за тобой

«Автор»

2026

Иваков Д.

Бог вернется за тобой / Д. Иваков — «Автор», 2026

Прошло полгода с тех пор, как скромный бухгалтер София Романова раскрыла убийство школьной учительницы. Жизнь постепенно возвращается в привычную колею: работа, посиделки с подругами, уютные вечера с родителями. Но однажды февральским утром в её почтовом ящике оказывается конверт без обратного адреса. Внутри — вырезанные из журналов буквы, зловещие стихи и подпись: «Шева». Письма приходят одно за другим, угрозы становятся всё ближе и страшнее, а камеры, установленные вокруг дома, упорно не замечают злоумышленника. Кто этот таинственный преследователь? Отвергнутый поклонник? Случайный безумец? Или какое-то божество? Чтобы найти ответ, ей придётся вспомнить уроки бабушки-сыщицы, заново пройти по тропам детства и отыскать ключ к разгадке в самом неожиданном месте — на дне школьного портфеля и в собственном сердце. «Бог вернется за тобой» — уютный детектив о дружбе, семье, первой любви и о том, что некоторые игры из детства могут иметь совсем недетские последствия.

© Иваков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Бог вернется за тобой

Глава 1

Февраль в их городке всегда был месяцем особенным — не весенним, но уже и не глухо-зимним. Солнце, научившееся задерживаться на небе чуть дольше, высекало из сугробов алмазную крошку, а воздух, колкий и свежий, пах обледенелой корой и сизым дымком из чьей-то трудолюбивой печной трубы. В такую погоду мир за окном казался старательно выбеленным холстом, на котором вот-вот кто-то начнет писать новую, еще не придуманную историю.

Для Софии, впрочем, это полотно оставалось неизменным. Прошло полгода с тех пор, как имя Есении Андреевны перестало быть газетной сенсацией, а их дом — местом негласного траура и тревоги. Шесть месяцев — срок достаточный, чтобы острая боль превратилась в тупую, ноющую занозу где-то под сердцем, но недостаточный, чтобы жизнь обрела совершенно новые очертания. По большому счету, она вернулась на круги своя. Работа в бухгалтерии по-прежнему пахла офисной бумагой и требовала от нее той же скупуплезной точности, спортзал встречал привычным гулом беговых дорожек, а дом — знакомым до последней половицы уютом. С табуретки у двери, как и прежде, свисал пушистый клочок, оставленный Князем. Мир не перевернулся.

Но что-то, неуловимое и зыбкое, все же изменилось. Эти перемены случились будто не снаружи, а изнутри. Елена Михайловна, всё еще бледная тень той железной завучихи, которой ее знала школа, стала задерживаться дома не чтобы проверить журналы, а чтобы выпить чаю с дочерью. Александр Сергеевич, вечно пропадавший в своем мире технических чертежей и мужских разговоров, вдруг открыл в себе талант печь шарлотку и теперь каждую субботу колдовал на кухне, наполняя дом запахом печеных яблок. Они словно заново учились быть семьей, и эти неуклюжие, тихие шаги навстречу друг другу были самой большой драгоценностью, которую София вынесла из пережитого кошмара.

Подруги, Вера и Лиза, оставались ее неизменной гвардией. В спортзале они всё так же синхронно крутили педали велотренажеров, иронично обсуждая местные новости, а иногда выбирались на променады по главной улице, закутанные в шарфы до самых глаз. Вспоминался и их сентябрьский побег в Анталию — спонтанный, почти безумный. София помнила не столько лазурное море и белый песок, сколько ощущение распахнувшегося над головой бескрайнего, бездонного неба. Впервые за долгое время она дышала не украдкой, не сквозь стиснутые зубы, а полной грудью, чувствуя, как горячий турецкий воздух плавит и уносит прочь свинцовую усталость. Они тогда пролежали на лежаках три дня, почти не разговаривая, просто впитывая покой. Это был лучший отпуск в ее жизни.

В это субботнее утро София проснулась поздно, около десяти, когда солнце уже успело растопить морозные лилии на стекле и теперь весело заливало комнату светом. Дом встретил ее тишиной — особенной, густой и ватной, какая бывает только в пустом жилище. Родители, взяв небольшой отпуск, отправились навестить давних друзей в соседнюю область, оставив дочь в статусе полновластной хозяйки. И Князя. Который, несомненно, считал, что хозяйка здесь он, а двуногие — лишь обслуживающий персонал.

Первым делом София отправилась в ванную, чтобы совершить свой утренний ритуал. Этот ритуал был сакрален и незыблем. Сначала — ледяной тоник, от прикосновения которого кожа мгновенно просыпалась и начинала дышать каждой порой. Затем — мягкая пенка для умывания с запахом розы; она медленно, круговыми движениями массировала лицо, чувствуя, как вместе с остатками сна сходят вчерашние тревоги. Теплая вода смывала пену, оставляя ощущение чистоты почти младенческой, а крем, нанесенный похлопывающими движениями

по скулам, становился финальным аккордом. Из зеркала на нее смотрела девушка со свежим лицом и все еще немного сонными, но ясными глазами.

Затем — кухня. Ее личный утренний храм. Кофемашина, горделиво поблескивая хромированными боками, ждала своего звездного часа. София выбрала капсулу с самым мягким, почти ореховым вкусом. Машина проснулась с утробным урчанием, выпустив струю пара, и через мгновение кухня наполнилась густым, терпким ароматом, который словно обещал, что день сложится правильно. Она взяла в ладони высокий стеклянный стакан, ощущая, как приятное тепло проникает сквозь стекло к пальцам. Пить София не спешила. Она уселась на табурет, подобрав под себя ноги, и делала крошечные, почти птичьи глотки, позволяя горьковато-сладкой жидкости растекаться по телу, наполняя его неторопливым, субботним покоем. В тишине было слышно только ее размеренное дыхание и далекое, едва уловимое жужжание холодильника. Допив последний глоток, она тщательно, до зеркального блеска, вымыла стакан и поставила его на сушилку.

Покончив с кофеиновой медитацией, София перебралась на диван и нажала кнопку телевизора. Щелкнул пульт, и экран ожил яркими, немного наивными красками старых советских мультфильмов. Шла «Снежная королева». Она помнила, как в детстве ее пугала и отталкивала эта рисованная история: угловатая, резкая Герда, холодная, идеально-правильная красота Снежной королевы, пронзительный ветер вьюги, от которого хотелось закутаться в плед. Тогда ей казалось, что это мультфильм о холоде, проникающем в самое сердце. Сейчас, спустя столько лет, ей было интересно, изменилось ли восприятие. Она честно просидела тридцать минут, внимательно следя за приключениями маленькой девочки, но когда по экрану поплыли финальные титры, София с легким разочарованием выключила телевизор. Нет, волшебства не случилось. В детстве ей не нравилась эстетика, а сейчас она увидела лишь излишнюю дидактичность, лишавшую историю живого дыхания. Нелюбовь осталась оправданной и в двадцать пять.

Тяжелый вздох разорвал тишину громче, чем ей хотелось бы. С улицы, из будки, донесся ответный, басовитый лай. Князь напоминал о себе. Набросив пуховик прямо поверх домашнего вязаного платья, София выскочила во двор. Кавказская овчарка встретила ее на грани нервного срыва: грозный рык сменялся щенячьим поскуливанием, а хвост-маятник гулял из стороны в сторону с такой амплитудой, что сметал снег с примерзшей к будке метлы. В черных умных глазах читалась вселенская трагедия: его забыли, его бросили, он умирает от голода и недостатка ласки.

— Ну что ты за артист, Князь, — ласково проворчала София, наполняя его миску сытным кормом. — Великий провинциальный трагик.

Князь, моментально забыв о своих страданиях, уткнулся носом в миску, издавая довольное чавканье. София потрепала его по густой холке, зарывшись пальцами в жесткую шерсть, пахнущую морозом и собакой. Двор был залит солнцем, снег скрипел под ногами, и на секунду мир показался ей необыкновенно правильным.

Вернувшись в дом, она решила, что суббота — идеальный день для того, чтобы разобрать завалы в собственной комнате. Это было не просто уборкой, а священнодействием, знакомым каждому перфекционисту. София начала с книжных полок, снимая тома, протирая переплеты влажной тряпкой и заново сортируя их по цвету корешков. Оттенки плавно перетекали один в другой, создавая градиент, который успокаивал не хуже медитации. Пыль, клубившаяся в солнечном луче, была безжалостно поймана влажной салфеткой.

Следом пришел черед ящиков письменного стола. Это было расхламление в самом высоком смысле слова. Она вывалила на пол содержимое трех ящиков — старые чеки, потерявшие цвет скрепки, ручки с закончившейся пастой, блокноты, исписанные лишь на треть. Каждую вещь она брала в руки, задавая себе единственный вопрос: «Это делает меня счастливой или полезно в будущем?» Девять из десяти предметов приговора не выдерживали и отправлялись

в мусорный пакет. Ручки — в специальный органайзер, где каждая теперь лежала строго под линейку, острым концом в одну сторону. Чеки — в папку с квитанциями, рассортированные по месяцам.

Она двигалась по комнате, словно реставратор, снимающий с картины поздние, грубые наслоения. Выцветшая наволочка отправилась в стирку, старые журналы — в стопку для макулатуры. Самым сложным был маленький сундучок с «сокровищами» — там хранился ее детский талисман, маленький кулон-заяц, колода карт, с помощью которой она училась показывать фокусы, и выцветшая фотография бабушки. Эти вещи она протерла с особой нежностью и убрала обратно, на самое почетное место. Через два часа комната дышала свежестью и порядком, каждая вещь обрела свое место, и в душе воцарилась та самая гармония, которую может понять лишь человек, победивший хаос.

В качестве продолжения своего уборочного утра, София решила немного размять спину, выйдя во двор почистить дорожку. Пуховик снова занял свое место на плечах, шапка уютно обхватила голову. Уже взявшись за черенок широкой снеговой лопаты, она вспомнила, что не проверяла ящик уже дня три. Снег весело хрустнул под сапогами, когда она свернула к калитке. Железный почтовый ящик, разрисованный морозным узором, открылся с протяжным, ностальгическим скрипом.

Внутри, свернутая трубочкой, лежала местная газета «Наш городок», которую папа выписывал скорее по привычке, чем из реального интереса к новостям. София уже хотела хлопнуть дверцу, но заметила, что под газетой что-то белеет. Она потянула за уголок. Письмо. Самый обычный желтоватый конверт без марок и обратного адреса, только размашисто выведенная шариковой ручкой надпись: «Софии». Почерк был незнакомым, каким-то слишком витиеватым, словно человек старался, но при этом спешил. И чуть ниже, пляшущими буквами: «от Шевы».

Шева? Кто такой Шева? Имя ничего не говорило, не вызывало ни единой ассоциации. Недоуменно повертев конверт в руках, София вернулась в дом. Морозный воздух, ворвавшийся с ней в прихожую, заставил Князя в будке недовольно гавкнуть.

Она бросила газету на тумбу, а сама прошла на кухню, к свету. Конверт был заклеен намертво. Аккуратно, чтобы не повредить содержимое, она вскрыла его ножом. Внутри не лежало ни стандартного листа бумаги, ни открытки. София вытряхнула содержимое на ладонь. Это был единственный, шершавый на ощупь лист, вырванный, судя по всему, из альбома для рисования.

Сердце пропустило первый, еще неясный, предупреждающий толчок.

На листе, пестря дикой, разномастной мозаикой, красовались буквы. Они были вырезаны из гляцевых журналов — ярко-алые, ядовито-зеленые, лимонные, с черным контуром, — и наклеены криво, внахлест, создавая гнетущее ощущение лихорадочной спешки. От этого буйства красок веяло не детским творчеством, а чем-то тревожным, болезненным, будто послание клеил человек с трясущимися руками, одержимый одной-единственной мыслью.

София, чувствуя, как холодок бежит от затылка к лопаткам, поднесла лист к глазам. Послание было коротким, рифмованным, и именно эта рифма, заключенная в журнальные обрывки, пугала сильнее всего:

«Там, где люди ждут тепла,

Скоро явится стрела.

И познает мир земной —

Бог вернется за тобой.

Ты, София, не шути,

Лучше спрячься и не жди.»

Лист предательски задрожал в ее пальцах. Это не было глупым розыгрышем. В том, как были подобраны слова, в их корявой, но жуткой торжественности, чувствовалась прямая, неприкрытая угроза. «Бог вернется за тобой».

Она резко обернулась, словно ожидая увидеть кого-то за спиной, но кухня была пуста. Тишина дома, еще недавно казавшаяся уютной и золотистой от солнца, вдруг стала давящей, ватной, и в ней отчетливо слышалось биение ее собственного, испуганного сердца. Рука с письмом безвольно опустилась.

Что за Шева? Какой бог?

Субботний покой рухнул в один миг, оставив после себя лишь звонкую, звенящую пустоту и липкое, необъяснимое предчувствие беды.

Глава 2

За околицей деревни, где покосившиеся заборы уступали место дикому разнотравью, начинался перелесок, который местные испокон веков называли Лисьей гривой. Зимой, особенно в пору новогодних каникул, когда мороз рисовал на стеклах замысловатые папоротники, а воздух становился колючим и звонким, это место превращалось в настоящее зачарованное царство. Снег лежал здесь нетронутый, глубокий, отливающий голубоватым фарфором в тени разлапистых елей и рассыпающийся миллионами ослепительных искр на открытых полянах. Тишина стояла такая, что, казалось, можно было услышать, как падает с ветки подтаявшая снежная шапка или как где-то вдалеке, в самой чаще, неспешно переговариваются между собой вековые сосны. В этом безмолвии каждый звук — хруст валежника под чьей-то легкой лапой, деловитый стук дятла, похожий на телеграфный код, — приобретал особую, почти торжественную значимость. И среди этого белого безмолвия, петляя между заснеженными стволами, тянулась одинокая, едва припорошенная поземкой лыжня.

Десятилетняя София, раскрасневшаяся от мороза и усердия, сосредоточенно работала лыжными палками. Ее детские лыжи, украшенные облупившейся наклейкой с белочкой, ритмично скользили по колее, оставленной широкими охотничьими лыжами деда Миши. Дед, высокий и кряжистый, в неизменном тулупе из овчины и шапке-ушанке, двигался впереди легко и мощно, словно большой ледокол, прокладывающий курс в заледенелому океану. София старалась не отставать, копируя его плавные, размашистые движения, и ее дыхание вырывалось в морозный воздух частыми, азартными облачками пара. Она чувствовала себя исследователем, пробирающимся к Северному полюсу.

Их путь лежал не по накатанной лыжне, что вела в соседнюю деревню, а в самую глубь Лисьей гривы, куда посторонние забредали редко. Ветви деревьев, отягощенные снегом, образовывали над их головами причудливую арку, сквозь которую пробивались косые, янтарные лучи утреннего солнца. Снег здесь был девственно чистым, испещренным лишь цепочками птичьих следов да редкими, глубокими ямками — следами заячьих ночных бдений. Дедушка не просто катал ее на лыжах, он вел ее в свое тайное лесное хозяйство, которое требовало заботы даже в зимнюю стужу.

Наконец, на небольшой поляне, окруженной стеной молодого ельника, дед Миша остановился. Здесь, на высоте человеческого роста, к стволу старой березы была прибита кормушка — немудреный домик с двускатной крышей из дранки, который смотрелся в этом лесу так же естественно, как гриб-трутовик. Дед снял лыжи, воткнул их палками в сугроб и, крикнув, опустился на поваленное бревно.

— Ну что, полярница, — пробасил он, расстегивая поясной рюкзак из вытертой парусины. — Привал по расписанию. Чай будешь?

София, пристроив лыжи аккуратно, чтобы не провалились в рыхлый снег, с радостью плюхнулась рядом. Дед извлек из недр рюкзака старый армейский термос, от которого еще пахло краской и чуть-чуть бензином, и, отвинтив алюминиевую крышку-чашку, налил в нее обжигающе-горячего, терпко пахнущего травами напитка. София приняла горячий металл в озябшие варежки, с наслаждением вдыхая сладковатый пар.

— Дед Миш, а мы зачем так далеко-то забрались? — спросила она, делая первый, самый осторожный глоток, чтобы не обжечь язык. Чай был сладким, с привкусом смородинового листа и чего-то еще, неуловимо летнего. — Тут же не катается никто почти. И лыжни даже нет, только наша.

Дед прищурился, глядя куда-то поверх заснеженных макушек, на яркое, но совсем не греющее февральское солнце.

— А мы, Софушка, не просто так катаемся. Мы — лесной патруль. — Он кивнул на кормушку. — Видишь домик? Это не просто так, это столовая для тех, кто зимой голодает. Снег сейчас глубокий, все ягоды и семена внизу схоронил. Птицам, белкам да зайцам туго. Вот мы с тобой и идем с инспекцией: проверить, всё ли в порядке, зерна досыпать, сенца где-то положить. Это, внучка, не просто забота, это... уважение к месту, в котором живешь. Мы у леса берем — грибы, ягоды, хворост, — значит, и отдавать должны. Чтобы баланс был.

София слушала, затаив дыхание и прихлебывая чай. Ей ужасно нравилось быть частью этого лесного патруля. Она представила себя капитаном маленького корабля, плывущего по снежному морю, чтобы спасти замерзающих птиц. Допив чай и бережно вернув деду кружку, она решительно поднялась.

Однако первая же кормушка удивила их неприятно. Подойдя ближе, София заметила, что домик висит как-то криво. Крыша была проломлена, одна боковая стенка болталась на честном слове, а зерно, которое дед насыпал в прошлый раз, было разметано по снегу. Дед Миша снял рукавицу, ощупал край пролома и нахмурился.

— Ишь ты. Видать, ночью ветер был сильный, сук сверху упал. Или, может, лось проходил, зацепил рогами спросонья. Делов-то — починить. Жаль инструмент не взял.

Он говорил спокойно, и София, которая поначалу насторожилась, успокоилась. Лось — это понятно. Лось большой и неуклюжий. Она помогла деду собрать рассыпанное зерно обратно и утрамбовать его в маленький деревянный лоток, а дед пообещал на днях прийти с молотком и гвоздями.

Они двинулись дальше, петляя по лесу от одной тайной дедовой точки к другой. У второй кормушки, что висела на старой осине, была выломана передняя стенка. У третьей, спрятанной в густом ельнике, был проломлен бок, и сено висело ключьями на нижних ветках.

— Вот как их разбойничает-то, — качал головой дед Миша, но уже без особой тревоги в голосе. — Кабаны, наверное. Или опять лось. Чует зерно, вот и буянит. Зверье, оно хозяйства нашего не понимает.

София кивала, но где-то глубоко внутри начала зарождаться странная, зудящая мыслишка. Что-то во всех этих полomках было... неправильное, неуловимо общее. Словно картинка, в которой один фрагмент был закрашен не тем цветом. Но она не могла ухватить эту мысль за хвост и просто старалась не отставать от широкого дедова шага.

Все изменилось, когда они добрались до четвертой кормушки. Вернее, до того места, где она должна была висеть. Это был мощный, корявый сук старой сосны на самом краю оврага. Дед Миша остановился как вкопанный. Сугроб под сосной был девственно чист, лишь немного припорошен рыжей хвоей. Никаких обломков, никаких щепок. Кормушка просто исчезла. Словно ее и не было никогда.

— Вот тебе и лось, — растерянно пробормотал дед, оглядываясь по сторонам. — Куда ж она подевалась? Не могла же она сама... рассыпаться в труху.

И в этот самый момент, глядя на этот пустой сук и на идеально ровный снег вокруг, София вдруг почувствовала, как пазл в ее голове сложился. Щелк! Разрозненные детали, которые она подсознательно отмечала всю дорогу, вдруг выстроились в единую, стройную и очень обидную картину. Лось. Ветер. Кабаны. Как же она раньше не догадалась?

— Дед Миш, — тихо позвала она, и голос ее прозвучал в морозной тишине как-то слишком серьезно. — А ведь это не зверь. И не ветер.

Дед удивленно обернулся. София, наморщив лоб и по-взрослому сдвинув светлые бровки к переносице, не сводила глаз с пустого сука. Она видела перед собой не просто лес, а место преступления.

— Ты посмотри, — начала она, и в ее голосе зазвучали те самые «сыщицкие» нотки, которые так любила ее бабушка. — Если бы это был лось или кабан, вокруг были бы следы. Ну, копыта, разрытый снег. А тут — чисто, только наши следы и птичьи лапки. И потом, зверь не

стал бы кормушку с собой уносить. Зачем она ему? Он бы ее тут же бросил, погрызенную. И у первых трех кормушек, — она начала загибать пальцы в толстой варежке, — тоже было чисто. А помнишь, на третьей, в ельнике, я нашла длинную синюю нитку, она за сучок зацепилась? Это не от шерсти звериной, это от одежды. Человек в лесу был, дедушка. Он не просто так ломал, он хотел, чтобы ни одной целой не осталось. И он... он знал, куда идти. Он шел по твоему маршруту.

Дед Миша снял шапку, почесал затылок в седых волосах и снова надел. Он смотрел на внуку с изумлением, в котором уважения было куда больше, чем недоверия.

— Складно рассуждаешь, — медленно проговорил он. — Вот тебе и лесной патруль... Ну, делать нечего, поехали домой. Бабушка, наверное, уже пироги с капустой заждалась. А по дороге еще раз все обмозгуем.

Обратный путь проходил в тишине, нарушаемой лишь ритмичным скрипом лыж. София уже не просто скользила по колее, она внимательно, по-новому смотрела по сторонам. Теперь она точно знала: среди этих заснеженных красот прячется чужая, злая воля. И доказательства где-то рядом, нужно только их увидеть.

Лыжня вывела их из леса и потянулась вдоль околицы, мимо дворов с высокими сугробами и сонными, заиндевелившими псами на цепях. Они проходили мимо дома дяди Пети, что подле дома старосты. Дом был приземистый, с облупившейся краской на наличниках, и с покосившимся, давно не чиненным забором. София замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Ее взгляд, острый и цепкий, прикипел к сараю, что стоял в глубине двора. Там, из-под старого, ржавого корыта, которое дядя Петя еще осенью собирался выбросить на свалку, но так и не собрался, торчал уголок. Маленький, деревянный, с обломанной дранкой. Точно такой же, какие были на дедушкиных кормушках. А на веревке, натянутой между сараем и домом, висела на просушке старая синяя телогрейка, и на ее правом рукаве, у самого локтя, зияла длинная прореха. Нитка. Та самая синяя нитка.

— Деда, — София дернула его за рукав тулупа и, когда он наклонился, прошептала ему на ухо всего два слова. — Это дядя Петя.

Дедушка Миша перевел взгляд на телогрейку, на сарай, на торчащий угол кормушки. Лицо его помрачнело. Он ничего не сказал, только коротко кивнул и крепче сжал лыжные палки. Всю оставшуюся дорогу до дома он молчал, обдумывая услышанное. София тоже молчала, чувствуя себя капитаном, который только что доложил адмиралу об обнаружении вражеского судна.

Дома их встретила бабушка Нина — румяная, в переднике, пахнущая сдобой и теплом. Она уже открыла было рот, чтобы привычно поворчать, что «шляются по морозу, как очумелые», но, увидев серьезные, сосредоточенные лица мужа и внуки, осеклась.

— Вы чего такие? Случилось чего?

Дед Миша молча снял тулуп, аккуратно повесил его на крючок у печи и только потом заговорил. Он рассказал о сломанных кормушках, об исчезнувшей, и слово в слово пересказал умозаключения Софии. Бабушка слушала, прижав к груди прихватку, и лицо ее менялось от тревоги к возмущению.

— Петька-то? — всплеснула она руками. — Вот уж от кого не ожидала. Глупый он, конечно, бывает, язык без костей, но чтобы такое... И что теперь делать-то будете?

— Для начала — сходим, потолкуем, — спокойно, но твердо сказал дед Миша. — Пососедски. Софа со мной пойдет, как-никак она вычислила преступника. А ты, Нина, дома оставайся. Нечего тебе на чужих порогах мерзнуть.

И вот они снова стояли у знакомого дома. София, чуть позади деда, смотрела на покосившееся крыльцо, чувствуя, как от волнения колотится сердце. Дед Миша постучал в окно костяшками пальцев — вежливо, но требовательно. Через минуту дверь открылась, и на пороге показался дядя Петя. Он был в том же старом свитере, небритый, с покрасневшими, чуть при-

пухшими глазами, и от него слегка пахло чем-то спиртным — видимо, вчерашний «праздник» еще не до конца выветрился. Увидев незваных гостей, он заметно напрягся, цепко ухватившись за дверной косяк.

— Чего надо? — буркнул он, избегая прямого взгляда.

— Разговор есть, сосед, — ровно ответил дед Миша. — О кормушках моих, что в Лисьей гриве стояли. Кто-то их все порушил, а одну и вовсе унес. Не знаешь, кто бы мог?

— Откуда ж мне знать? — дернул плечом дядя Петя, но на скулах у него заиграли желваки. — Дел других нет, как за твоими дровами следить.

И тут София сделала шаг вперед. Ей не было страшно. Она чувствовала только железную, спокойную уверенность, которую дают неопровержимые доказательства. Она указала на сарай.

— А почему тогда дедушкина кормушка у вас за сараем лежит, под старым корытом? И почему на вашей телогрейке, вон той, синей, точно такая же нитка, как та, что на сломанной кормушке в ельнике осталась?

Повисла такая тяжелая, звенящая тишина, что, казалось, можно было услышать, как падает снег с крыши. Дядя Петя открыл рот, замер на секунду, а потом вдруг как-то весь обмяк. Плечи опустились, рука с косяка соскользнула. В этот момент скрипнула соседняя калитка, и во двор, тяжело ступая валенками по утопанному снегу, вошел староста деревни, дед Иван. Он, видимо, услышал голоса и вышел узнать, в чем дело. Увидев немую сцену, он ничего не сказал, лишь прислонился плечом к забору и молча, понимающе кивнул деду Мише. Мол, продолжай, я тут просто свидетель.

И дядя Петя, под этим скрещением взглядов — детского, строгого, дедова, спокойного, и старостиного, молчаливого, — вдруг сдался. Он махнул рукой отчаянно и жалко.

— Ну я! Я это сделал! — выкрикнул он, и голос его сорвался. — Дурак я, Миша! Прости, дурака! Ты ж мне в прошлую пятницу у магазина не ответил, когда я поздоровался. Прошел мимо, как мимо столба. Думал, ты зазнался. А я в тот день... ну, выпил с друзьями маленько. Обида меня и забрала. Сиж, а в глазах твоё молчание стоит. Вот и пошел в лес... душу отвести. А что кормушки — так они первые под руку попались. Зла я на зверей не держу, ей-богу! Просто на тебя позлился, дурак старый!

Он почти плакал. Огромный, небритый мужик, который сжимал в руках шапку, как провинившийся школьник. И в его словах не было ни злобы, ни тайного умысла — только глупая, пьяная, горькая обида, которая нашла себе самый бессмысленный выход.

— Я все исправлю, Миша, слышишь? — затараторил он, заглядывая деду в глаза. — Сам все почию! Новые сколочу, лучше прежних! Зерна куплю, до конца зимы сам буду таскать и следить! Только ты... прости меня, дурака. Бес попутал.

Дед Миша долго, очень долго смотрел на него. София замерла, боясь дышать. А потом дед вдруг вздохнул — не сердито, а как-то устало, и положил свою широкую ладонь на плечо дяди Пети.

— Ладно, Петруша, — сказал он негромко. — Прощаю. Бес, он такой, кого хочешь попутает. Но ты это... в следующий раз, если обиду затаишь, ты ко мне приди. По-соседски поговорим. Глядишь, и крушить ничего не придется.

Староста, стоявший у забора, молча кивнул еще раз — удовлетворенно, словно поставил невидимую галочку в списке восстановленной справедливости. И тихо, не прощаясь, побрел обратно к своему дому. Конфликт был исчерпан.

Домой София с дедушкой возвращались уже в сумерках, когда небо из бледно-голубого стало густо-синим, а в окнах домов зажглись первые теплые огоньки. Мороз к вечеру окреп, и снег под ногами скрипел звонко и празднично. Рыжая сыщица шагала рядом с дедом, и на душе у нее было удивительно спокойно и светло.

— Деда, — позвала она, когда их дом уже показался из-за поворота. — А почему ты его простил? Он же плохо поступил.

Дед помолчал немного, поправляя шапку, а потом ответил:

— Понимаешь, Софа, в жизни часто бывает так, что самое правильное решение — оно самое тихое. Можно было накричать, поругаться, затаить зло в ответ. И что? Стало бы от этого лучше? Нет. А так — мир остался миром. Дядь Петя свою вину понял, мы ему помогли это сделать, и теперь он сам себе судья самый строгий. Запомни, внучка: простить человека, который искренне раскаялся в своей глупости — это не слабость. Это, пожалуй, самая большая сила, которая у нас есть. Потому что зло и обида цепляются друг за друга, как репейники, а кто-то должен этот круг разорвать. Вот мы сегодня и разорвали.

София не все поняла в полной мере, но что-то очень важное осело в ее душе, как семечко, брошенное в рыхлую весеннюю землю. Она знала: это семечко обязательно прорастет. И, возможно, когда-нибудь, во взрослой жизни, эти слова помогут ей принять самое трудное, но самое правильное решение. А пока они просто подошли к родной калитке, за которой их ждал горячий ужин и ворчливая, любящая бабушка. И это было счастье.

Глава 3

Ночь после субботы выдалась для Софии долгой и муторной, словно кто-то невидимый перетряхивал ее сон, как старую перину, не давая провалиться в глубокое, спасительное забытие. Она ворочалась с боку на бок, сминая простыню в жгут, и каждый раз, когда веки тяжелели и сознание начинало расплываться, перед глазами вставала одна и та же картина: желтоватый лист бумаги с криво наклеенными, пляшущими буквами. «Бог вернется за тобой». Она гнала от себя эти слова, твердила, что это чей-то глупый розыгрыш, но стоило лишь смежить веки, как в ушах начинал звучать чей-то незнакомый, липкий шепот. Она лежала в темноте, слушая, как за окном потрескивает от мороза крыша, и каждой клеточкой тела чувствовала, как в дом вползает липкий, иррациональный страх. Утро встретило ее не бодростью, а свинцовой усталостью и единственным желанием — чтобы этот день поскорее закончился и не принес новых загадок.

Поднялась она поздно, когда солнце уже вовсю заливало кухню. Спросонья, в мятой пижаме, она прошлепала в ванную и машинально, без прежней утренней радости, совершила привычный ритуал: ледяной тоник, обжигающий кожу, нежная пенка с ароматом розы, похлопывания с кремом по скулам. Отражение в зеркале показалось ей чужим — бледное, с серыми тенями под глазами. Затем — кухня. Кофемашина заурчала, наполняя пространство знакомым ореховым ароматом. Она насыпала в пиалу творожной массы и уселась за стол, пытаясь сосредоточиться на простых, вкусовых ощущениях. Но взгляд, помимо воли, то и дело соскальзывал в угол, туда, где под мойкой темнело мусорное ведро. Там, скомканное, лежало это письмо. Оно не выходило из головы, пульсировало где-то на периферии сознания ядовитой занозой. Кто такой этот Шева? Почему она? Она перебирала в уме всех знакомых, всех, с кем сталкивалась за последние полгода, но имя не всплывало, не резонировало ни с чем. Это было хуже всего — неизвестность.

Спасаясь от собственных мыслей, она заставила себя одеться. Джинсы, теплый свитер крупной вязки — простенько, по-домашнему, без претензий. Когда телефон на тумбочке ожил и завибрировал, высветив фотографию смеющейся Веры, София едва не подпрыгнула от неожиданности.

— Софа, привет! Я через пятнадцать минут у тебя буду. Ты готова?

Они договорились встретиться еще в пятницу. Вчера у обеих ее подруг были какие-то дела, семейные хлопоты и прочая взрослая рутина, поэтому воскресенье было объявлено «девичьим днем». София, честно говоря, напрочь забыла об этом, но теперь обрадовалась звонку, как спасательному кругу. Она нацепила свой длинный, чуть ниже колен, бежевый пуховик, зимние непромокаемые кроссовки цвета топленого молока, натянула на голову вязаную шапку, из-под которой тут же вырвались на волю непослушные рыжие кудри, и выскочила во двор. Князь, слышав хозяйку, высунул из будки мохнатую морду и требовательно гавкнул. София наполнила его миску, потрепала по холке, вдохнула родной собачий запах, и ей стало чуточку легче.

Едва она вышла за калитку, как из-за поворота, лихо вильнув на заснеженной дороге, вырулила красная иномарка Веры. Машина, казалось, была единственным ярким пятном на всей этой сонной, заваленной снегом улице. София открыла дверцу, плюхнулась на пассажирское сиденье, повернулась, чтобы поприветствовать подругу, и... замерла. А потом ее будто прорвало. Она расхохоталась — звонко, заливисто, до слез в глазах, уткнувшись носом в воротник пуховика.

— Вера... Вера, что это?! — выдавила она сквозь смех, тыча пальцем в голову подруги.

Вера, всегда отличавшаяся смелостью в вопросах стиля, на этот раз превзошла саму себя. От ее прежнего, нежно-розового аккуратного каре не осталось и следа. Теперь одна поло-

вина волос была радикально черной, а вторая — платиново-белой. Уложено это великолепия было объемными, чуть небрежными волнами, создавая идеально-комичный, но при этом удивительно идущий ей образ злодейки Круэллы де Виль.

— Нравится? — Вера кокетливо поправила черную прядь и довольно улыбнулась. — «Круэлла» называется. Я решила, что с моим характером мне давно пора соответствовать образу.

— Ты не Круэлла, ты просто ходячий анекдот! — София все еще вытирала выступившие слезы. — Но тебе безумно идет, честно. Так дерзко. Мама в обморок не упала?

— Почти, — хмыкнула Вера, вырливая на главную дорогу. — Сказала, что я позорю ее седины. Но папа оценил, сказал — креативно.

Они покатили по городку. Зимний город, особенно в воскресный полдень, был похож на большую, укутанную в снежную вату декорацию. Вдоль тротуаров высились аккуратные сугробы, увенчанные шапками из сахарно-белого снега. С ветвей старых лип, что росли вдоль центральной улицы, свисала пушистая бахрома инея, превращая их в сказочный хрустальный туннель. Люди, словно сонные мухи, неспешно брели по своим делам, кутаясь в шарфы, а из труб частных домов в морозное небо поднимались прямые, как столбы, дымы. Все дышало покоем и уютной, провинциальной негой. Этот вид, такой привычный и милый сердцу, поне-многу успокаивал, вытесняя ночные страхи на задворки сознания.

Местом встречи было новое фастфуд-кафе, открывшееся всего пару месяцев назад и мгновенно ставшее центром притяжения для всей местной молодежи. Располагалось оно на редкость удачно: прямо напротив торгового центра, в двух шагах от центрального парка. Они припарковались и вышли из машины. Лизы еще не было видно, поэтому они просто стояли, притоптывая на месте, и болтали о пустяках. София украдкой разглядывала прохожих, и ее отпустившая была тревога снова начала поднимать голову. Каждый высокий мужчина казался ей подозрительным.

Через десять минут из-за угла быстрым шагом показалась Лиза — в длинном темно-синем пуховике и с неизменным ярким шарфом. Она подошла, открыла рот, чтобы поздороваться, наткнулась взглядом на сияющую Веру и... прыснула. Смех у Лизы был заразительный, похожий на перезвон маленьких колокольчиков.

— О боже, Вера, ты кого из себя изображаешь? Далматинцев поблизости нет? — прохо-хотала она.

— Всё, с меня хватит! — театрально вздернула подбородок Вера, хотя в глазах у нее плясали веселые чертики. — Вы, две деревенщины, ничего не понимаете в высокой моде. Я пошла! — и она, гордо печатая шаг, первой скрылась за стеклянными дверями кафе.

Внутри было шумно, тепло и оживленно. Кафе, несмотря на свою «фастфудность», выглядело на удивление стильно и уютно: кирпичная кладка на одной из стен, теплый желтый свет, свисающий с потолка в плетеных абажурах, деревянные столы и много зелени в горшках. Это место словно жило своей, отдельной жизнью, и ярко контрастировало с сонными, пустынными улицами за окном. Девушки с трудом нашли свободный столик у окна. Вера осталась сторожить места, а Лиза с Софией отправились к стойке делать заказ. Отстояв небольшую очередь и сделав выбор в пользу бургеров с кофе, они вернулись к столику.

Сначала разговор вертелся вокруг, конечно же, новой прически Веры. Лиза, успокоившись, уже серьезно нахваливала смелость подруги и размышляла, пошла бы такая стрижка ей самой. Потом обсудили последние новости — кто женился, кто уволился, кто затеял ремонт. Когда по залу разнесся номер их заказа, они сходили за своими подносами и, наконец, принялись за еду. И вот, когда первый голод был утолен, София, помешивая трубочкой кофе, вдруг тихо сказала:

— Девчонки... Мне вчера письмо пришло.

И она рассказала. Про желтый конверт, про корявые буквы, про жуткую рифму о возвращающемся боге. Чем больше она говорила, тем тише становилось за их столиком. Вера даже забыла про свой бургер.

— Подожди, подожди, — нахмурилась Лиза. — «Бог вернется за тобой»? Что это вообще значит? Может, это какой-то дурацкий флешмоб или местный сумасшедший объявился? Ты кому-нибудь говорила? В полицию не думала идти?

— А что я им скажу? — пожала плечами София. — «Здравствуйте, мне пришло странное письмо»? Они в прошлый раз на убийство-то еле раскачались, а тут... — она вздохнула. — Я всю ночь голову ломала. Кто этот Шева? Может, это какая-то аббревиатура? Или прозвище? Я перебрала всех, кого знаю — ни единой зацепки. Вроде и врагов у меня нет. Но написано-то для меня. Лично.

— Соф, ну послушай, — Вера накрыла ее ладонь своей. — Ты себя накручиваешь. Ты у нас теперь местная знаменитость, раскрыла убийство, вот кто-то и решил пошутить так, понимаешь? Может, подростки какие-нибудь. Или тайный поклонник с очень извращенным чувством юмора. Не принимай близко к сердцу. Это просто бумажка. Хочешь, мы к тебе сегодня ночевать приедем, чтобы не страшно было?

— Нет, не надо, — слабо улыбнулась София. — Спасибо. Вы правы, наверное. Просто дурацкий розыгрыш.

Докушав и немного успокоившись, они решили продолжить свой день и отправились гулять. Сначала зашли в торговый центр — это был настоящий храм консьюмеризма посреди провинциальной тишины, с гулким атриумом, залитым светом витрин и назойливой поп-музыкой. Они побродили по отделам, Вера затащила их в магазин косметики, где перепробовала полдюжины помад, а Лиза купила смешные носки с оленями. Потом, выйдя на свежий воздух, отправились в парк. Там, на расчищенных аллеях, было многолюдно: мамочки с санками, стайки ребятни, играющей в снежки. Им даже встретилась старая знакомая, бывшая одноклассница Катя, которая теперь работала в администрации и с важным видом выгуливала крошечного йорка в смешном комбинезончике. Они немного поболтали, обменявшись новостями, и Катя убежала дальше по своим «собачьим» делам.

Затем они просто бродили по улочкам, разглядывая заснеженные дома, и незаметно для себя продрогли. Зашли погреться в первый попавшийся продуктовый магазинчик. И там, в отделе бытовой химии, нос к носу столкнулись с Колей.

Коля был некогда местным ловеласом и охотником за юбками, который всерьез пытался ухаживать за Софией, когда она только вернулась в город после университета. Высокий, с нарочито-небрежной щетиной, одетый в модное, явно дорогое черное пальто и с ярко-синим шарфом, он выглядел так, словно сошел со страниц каталога мужской моды. Рядом с ним, вцепившись в его локоть, стояла миниатюрная брюнетка в шубке из серебристой лисы и с таким обильным макияжем, что он казался ее второй кожей. Увидев Софию, Коля дернул шеей, словно воротник стал ему тесен.

— О, София! Девчонки! — он изобразил на лице дежурную, слегка натянутую улыбку. — Привет. Не ожидал вас тут встретить.

— Привет, Коля, — сдержанно кивнула София.

Обменявшись этими двумя фразами, они разошлись в разные стороны, словно корабли в море. Убедившись, что Коля со своей спутницей скрылись за стеллажами, девушки двинулись в кондитерский отдел. Вера заговорщицки хмыкнула:

— Кажется, наш Коля так и остался охотником за юбками. Только дичь теперь помасштабнее выбирает. Видела шубку на его спутнице? Там, наверное, целое стадо лис ушло.

— И слава богу, что остался, — фыркнула Лиза, выбирая пастилу. — Помните, как он Софе проходу не давал, всё под окнами крутился? А потом выяснилось, что у него параллельно еще две такие же «единственные» были.

— Помню, — улыбнулась София. — Хорошо, что я тогда быстро это поняла. Кстати, а помните, как он пытался произвести впечатление и пришел на свидание с букетом из четного числа роз? Папа мне потом весь вечер лекцию читал о символике чисел.

Посмеявшись над общими воспоминаниями, они быстро выбросили Колю из головы и переключились на выбор сладостей к чаю. Это был хороший день. Смех, объятия и разговоры ни о чем сделали свое дело — тяжесть, давившая на плечи Софии, почти рассеялась.

Уже в сумерках Вера подвезла ее к дому. Они попрощались, условившись на неделе сходить в кино. София помахала вслед красной иномарке, пока та не скрылась за поворотом, и вошла во двор. Князь лениво приоткрыл один глаз, вильнул хвостом, а затем резко выскочив из будки завопил. Девушка поняла свою ошибку сразу — обед был очень давно, а на улице крепчал мороз. София накормила голодного охранника и, погладив его, пошла уже от опасности замерзнуть насмерть в теплую обитель.

В доме было тепло и тихо. Она скинула пуховик, стянула шапку и, не зажигая большого света, в одних носках прошлепала на кухню. С размаху упала на диван, раскинув руки, и блаженно устала в потолок. Страха не было. Совсем. Он растворился в дневной суете, в смехе подруг, в этой легкой, приятной усталости. Каждая встреча с Лизой и Верой была для нее глотком свежего воздуха, возможностью снова почувствовать себя той, прежней, беззаботной девушкой. Эмоции переполняли ее, и она чувствовала себя почти счастливой. День прошел идеально.

Веки медленно, неудержимо тяжелели. Мысли, мягкие, как облака, начали погружаться в сладкую, спокойную дрему. Она уже почти провалилась в сон, почти перестала ощущать границы своего тела...

И в этот самый момент тишину разорвал звук.

Громкий, захлебывающийся, почти злобный лай Князя. Он не просто лаял — он захлебывался яростью, срываясь на хрип. А затем — тяжелый, гулкий удар калиткой, от которого, казалось, дрогнули стены дома.

Сон слетел в один миг. София вскочила с дивана так резко, что перед глазами поплыли круги. Сердце рухнуло в пятки и тут же подпрыгнуло к горлу, забившись где-то в висках частой, панической дробью. Все тело покрылось липким, холодным потом, а по спине, от затылка до поясницы, промаршировал строй мурашек. Она схватила первое, что попало под руку — это был веник, стоявший у двери, — и, сжимая его, как боевое копьё, на негнущихся ногах двинулась к выходу. «Закрыла ли я дверь? Закрыла. Точно закрыла. Я же проверяла...»

Она приблизилась к окну и, чуть отодвинув занавеску, выглянула во двор. В бледном, мертвенном свете единственного фонаря, который и без того еле-еле разгонял темноту у калитки, не было ни души. Лишь черные, корявые тени от рябин. Но Князь продолжал бесноваться. Теперь он лаял не на дверь, а куда-то в сторону улицы, в пустоту.

Стараясь дышать как можно тише, она на цыпочках прокралась в сени. Протянула дрожащую руку и дернула дверную ручку. Закрыто. Слава богу. Она прислонилась лбом к холодному дереву и на секунду прикрыла глаза, переводя дух. Сердце все еще колотилось где-то в горле. Потом, приказав себе успокоиться, она щелкнула выключателем и прильнула к дверному глазку. Линза искажала пространство, но на маленьком, освещенном фонарем пятачке перед крыльцом никого не было. Только... что-то темнело прямо на верхней ступеньке. Какой-то небольшой предмет.

Собрав в кулак остатки смелости, София отперла замок, приоткрыла дверь и, выставив перед собой веник, словно таран, осторожно выглянула наружу. Морозный воздух обжег лицо. Во дворе было тихо. Князь, заслышав хозяйку, замолчал, лишь глухо, предупреждающе рычал в темноту. Она опустила взгляд вниз. На крыльце, припорошенный свежим снежком, лежал желтоватый конверт.

И тут ее осенило. Она же вчера так и не почистила снег! Осторожно, стараясь не задеть лежащее письмо, она сошла с крыльца и оглядела следы у порога. Так и есть. Четкие, глубокие отпечатки мужских ботинок. Крупные, с агрессивным, грубым протектором. След вел от калитки к крыльцу и обратно. Это был мужчина. Судя по размеру и глубине следа — крупный, тяжелый мужчина. В голове вихрем пронеслись десятки лиц, но все они были безликими, чужими, и ни одно не вызывало уверенности.

Она быстро нагнулась, схватила конверт и, буквально влетев обратно в сени, захлопнула дверь. Руки тряслись, пока она закрывала дверь, словно попасть ниткой в ушко иглки. Только оказавшись в освещенной гостиной, она позволила себе выдохнуть.

Взяла конверт. Обычный, желтоватый, без марок. Ее имя и «от Шевы». Все, как в прошлый раз. Она вскрыла его. Внутри — такой же шершавый лист, и на нем — снова мозаика из глянцевых, криво наклеенных журнальных букв. Но на этот раз послание было короче. И от этого — куда страшнее. Буквы, ярко-алые и черные, складывались в слова, от которых кровь застыла в жилах:

«Я тот, чье имя — тишина,

Чей сон хранит тебя до дна.

Но час настанет — я приду,

И страх посею, и найду.

Готовься, смертная, к судьбе,

Мой путь закончится в тебе.»

Внизу, витиеватым, явно мужским почерком было подписано: «Шева. Для Софии».

Лист выпал из ослабевших пальцев и, кружась, опустился на пол. Имя, выдуманное, мифическое, теперь обретало плоть. Оно стояло здесь, у ее порога, оставив на снегу тяжелые следы своих ботинок. Это был не розыгрыш. Игра, если это была игра, перешла на новый, пугающе близкий уровень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.